

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Виктор
Славкин**

Серсо

Виктор Иосифович Славкин
Серсо
Серия «Библиотека
драматургии Агентства ФТМ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10382880
ISBN 978-5-4467-2070-5

Аннотация

До резкой смены эпох оставалось еще без малого 10 лет, но в застойном воздухе 80-х драматурги позднесоветского периода уже улавливали меняющиеся настроения, пытаясь выразить свое поколение. Пьеса Виктора Славкина «Серсо» по праву стала легендарным текстом уходящей эпохи, увековечив «внутренних эмигрантов» советского периода, потомков чеховских недотеп, разочарованных в себе и в стране людей, смиренно живущих в то время, когда им выпало жить.

«Серсо» имеет и другое название, ставшее крылатым выражением: «Мне 40 лет, но я молодо выгляжу»: компания 40-летних, в разной степени знакомых друг с другом людей приезжает на выходные в загородный дом. Объединяет их всех хозяин дома, точнее, неожиданно получивший эту недвижимость в наследство от двоюродной бабушки Петушок, как любовно кличут 40-летнего Петра друга. Прюютившийся почти всю

жизнь в одной комнате с мамой (как констатируют его друзья – «у него жилищный комплекс»), Петушок испытывает эйфорию и призывает собравшихся одиночек (всех героев объединяет еще и то, что у них нет семьи) остаться жить здесь навсегда, отрешившись от мирской суеты и сформировав сквот счастливых колонистов. Никто из них не питает иллюзий, осознавая что эта идея – утопична, но на выходные – соглашается принять условия игры.

По своей форме пьеса очень театральна и содержит три временных слоя: помимо настоящего времени – собственно 80-х, – есть еще отсылка к Павлу I (Паша, историк по образованию и предприимчивый ремонтный рабочий по жизни, мистифицирует находящуюся в доме мебель, намекая на то, что именно она была в спальне императора в ночь убийства); а также 20-е годы XX века – найденная в доме переписка бабушки с ее возлюбленным вдохновляет колонистов на костюмированное чтение писем вслух. Тогда и жили и любили по-другому: подражание тому времени – неспешная игра героев в серсо усиливает элегический чеховский драматизм пьесы. Что не отменяет и ее социальный посыл: в любой исторической реальности идеал не достижим.

По гамбургскому счету, «Серсо» ставилось один раз: в 1985 году мощнейший из режиссеров, работающий и поныне – Анатолий Васильев – придумал оригинальное и выразительное художественное решение, лаконично поместив актеров в продуваемый со всех сторон остов деревянного дома и рассадив зрителей по кругу, так чтобы каждый мог видеть происходящее со своего уникального ракурса. Изысканное кружение рук с передачей писем по кругу, красные бокалы

и белые конверты – сгустив до предела пространство, режиссер создал удивительный по красоте и атмосфере спектакль, задавший высокую планку режиссерам последующих поколений. Но наличие идеального спектакля должно не пугать, а бросать вызов современникам, ведь тема одиночества в «Серсо» не устаревает и по своему резонирует с любым временем.

Содержание

Действующие лица	6
Действие первое	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Славкин Серсо

Действующие лица

Петушок

Надя

Владимир Иванович

Валюша

Паша

Ларс

Кока

Действие первое

Пятница. Вечер.

Пустой бревенчатый дом. Заколоченные снаружи окна. Старинная мебель в чехлах. Запустение. Видно, что в доме никто не живет.

Слышен звук мотора. Это к дому подъезжает машина. Мотор затихает. Звук открываемых дверей, голоса. Раздается удар топора, потом еще удар, еще... Это снаружи отбивают щиты и доски, которыми заколочены окна и двери. Несколько ударов – и дверь распаивается настежь.

В дом вваливается компания.

Петушок. Заваливайтесь!.. Это теперь все мое.

Надя. Ой! Надо же! Одним все, а другим ничего.

Владимир Иванович (*Наде*). Разрешите, я баул поставлю. (*Берет у нее из рук большую сумку, ставит у своих ног.*)

Петушок. Прошу всех быть как дома.

Валюша. Наконец наш Петушок крылышки расправил! Кто бы мог подумать – у Петюнчика свой дом! Поздновато, правда...

Владимир Иванович. Еще все успеем.

Паша. Сюда тысчонку-две вложить – жить можно.

Петушок. Зачем вкладывать, зачем?

Ларс. Ни в коем случае! Тут ловушка.

Надя. Ларс – это имя или фамилия?

Валюша (*Ларсу*). А что вы предлагаете?

Петушок. Имя, имя...

Ларс. Вдохните в себя глубже, вдохните... Чувствуете – воздухец! Сосна. Старое дерево.

Паша. Вот я и говорю, подремонтировать надо. В тыщонку-две можно уложиться.

Петушок. Какая тыщонка, какие две!.. Я бы и этого дома не имел, если бы не бабушка. Земля ей пухом.

Надя. У меня тоже бабушка померла. Но ее квартиру мне не отдают. Говорят, кооператив не наследуется. Правда, Владимир Иванович?

Владимир Иванович. Задача высшей степени сложности.

Надя. Ой, я такая неумелая!..

Валюша. Петушок, у тебя же бабушка еще тогда умерла.

Петушок. А это другая, двоюродная. Елизавета Михайловна. Я ее даже не знал, она меня сама разыскала. Оказывается, я последний из нашего рода остался. У нас в роду с рождаемостью не очень.

Ларс. Вложил деньги – все, попался. Всю жизнь будешь ждать процента. Я не вкладываю.

Владимир Иванович. Я тоже. Но по чисто идейным соображениям.

Петушок. Ну, уж это аморализм какой-то!..

Владимир Иванович. Ох, чувствую, напродряешь ты здесь род!..

Валюша. Петушку бы пораньше такую хату...

Владимир Иванович. Ха! Пораньше... Ему сорок, но он молодо выглядит.

Валюша. Петушок у нас хорошо сохранился.

Владимир Иванович. Петушок, тебе сорок, но ты молодо выглядишь?

Ларс. Вам сорок?

Надя. А разве вы не знакомы с Петром Вячеславовичем?

Ларс. В общем, я доволен, что приехал сюда. *(Валюше.)*

А вы?

Валюша. Частично. Процентом на сто, не больше.

Паша подходит к дивану, накрытому чехлом, снимает чехол.

Паша. Музейная вещь.

Надя. Неужели?!

Паша. Тысячу шестьсот...

Надя. Ой, семнадцатый век!

Паша. Тысячу шестьсот, тысячу семьсот каждый музей за эту вещь даст. *(Наде.)* Но я и век могу определить. Правда, не с такой степенью точности.

Надя. Вы историк?

Паша. Увлекаюсь.

Надя. Ой, интересно!

Паша. Вообразите себе, Надя. 1801 год, ночь с одиннадцатого на двенадцатое марта. В кабинет, в котором обычно почивает император Павел I, ночью проникают его офицеры,

они будят Павла, тот сначала думает, что это сон, потом все понимает, молит о пощаде, и тут Михаил Зубов, силач, бьет его золотой табакеркой в левый висок. Павел падает и цепляется руками за ножку дивана – вот этого...

Надя. Этого?!

Паша. Император Павел I называл княгиню Анну Гагарину «улыбочка моя».

Петушок. Да кладите на диван сумки, кладите. Продавать не собираюсь. Спать буду на 1801 годе.

Надя. А что дальше было с Павлом?

Паша. Его долго не могли оторвать от ножки дивана, потом накинули на шею шарф и задушили.

Надя. До смерти?

Владимир Иванович (*осматривая диван*). Узковато... Не раскладывается?

Валюша. Петушок уместится. Он всю жизнь за шкафом на маленьком диванчике проспал. Он теперь куда хочешь впишется.

Петушок (*Валюше*). Тот диванчик за шкафом не такой уж узкий был...

Валюша. Узкий, Петенька, узкий. Поэтому ты на нем и застрял.

Ларс. У меня квартира на одного – ну и что? Я в ней только сплю. Ночлежка – две лоджии, вид на море, отдельный вход – трехкомнатная.

Надя. У вас тоже кто-то умер?

Ларс. Нет.

Надя. И вам это разрешают?

Ларс. Что? Почему?

Надя. Трехкомнатная на одного.

Ларс. Да я в ней почти не бываю.

Петушок. Вчера. Вечер, жарко, вывеска мигает – то красный, то зеленый. Где-то часа три. Пустая улица. Ни одной машины – ни с той стороны, ни с этой. И в этой пустоте стоит человек перед светофором и ждет, когда зажжется зеленый свет, чтобы перейти улицу. Он стоит, а тут еще вывеска, и у него то лицо красное, то зеленое... Я дождался, когда его лицо станет красным, подошел к нему и сказал: «Поедемте завтра на дачу». Он позеленел и сказал: «Да».

Паша. А может, действительно запах ромашки ценнее всей этой пыли веков? Откроешь тайну убийства Павла I, а пропустишь время цветения купавы... Правда, когда цветет купава, я прекращаю все исследования.

Надя. Вы натуралист?

Паша. Интересуюсь живой природой.

Владимир Иванович. У меня дома фикус в горшке. От тетки остался. Не люблю комнатные растения, но от тетки остался...

Ларс. Я вообще сразу говорю «да». Если мне что-то быстро предлагают, я сразу говорю «да».

Надя. А потом?

Ларс. А потом – «ез».

Надя (*смеется*). А потом?

Ларс. А потом «си».

Надя. А потом?

Ларс. Потом – «я».

Надя. Вы?!

Ларс. И по-шведски, и по-немецки.

Надя. Вы – швед?

Ларс. Я из Прибалтики.

Надя. Ой, не могу – прибалт!.. (*Заходится*.)

Петушок. Окна пооткрываем, чудно будет спать! На новом месте сны сбываются.

Валюша. Что толку! Я снов все равно не вижу. Засыпаю – черно, просыпаюсь – уже утро. А что ночью было – понятия не имею.

Надя. Ой, а мне всегда одни гадости снятся. Недавно усы мужские приснились. Но без мужчины – одни усы. Жуть!

Владимир Иванович. В следующий раз ложитесь спать с ножницами. Приснились усы, а вы их – чрямс!

Надя. Еще страшней!

Петушок. Надя-Наденька, моя соседка по мусоропроводу. Мы с ней одновременно мусор на площадку выносим, так у нас совпадает... Я ей всегда очередь уступаю.

Надя. У меня мусора-то нет. Одни фантики.

Владимир Иванович. Вы сладкое любите?

Надя. Это плохо, да?

Владимир Иванович. У меня для вас конфетка припа-

сена. (*Протягивает Наде конфетку.*) Я тоже люблю сладкое, хотя и являюсь мужчиной с усами.

Надя (*взглянув на Владимира Ивановича*). Ой!

Владимир Иванович. Что, узнали усы?

Надя. Похоже... (*Берет у Владимира Ивановича конфетку.*)

Владимир Иванович. Хорошо, что нас Петушок сюда вытащил. Сидишь в городе, пыль глотаешь, и в воскресенье тоже. Если кто на дачу не пригласит.

Ларс. В поле, в лес, на речку! Вот моя деревня, вот мой дом родной!

Надя (*Владимиру Ивановичу*). Смотри – прибалт! Все лозунги знает.

Петушок (*подходит к Владимиру Ивановичу, обнимает за плечи*). Вместе работаем, вместе отдыхаем. Курорты, надгробия, памятники... «Петушок и Ко».

Валюша (*Владимиру Ивановичу*). Как там наш Петушок на работе?

Петушок. Да ладно тебе!

Валюша. Вы же все-таки его начальник.

Владимир Иванович. Ну, начальник это сильно сказано. Просто Петушок – инженер, а я – старший инженер. Дадут Петушку старшего, мы и сравняемся.

Петушок. Но я и тогда Владимира Ивановича буду звать Владимиром Ивановичем. Потому что он солидный человек.

Валюша. А ты – вечный Петушок, хоть у тебя теперь за-

городный дом есть.

Владимир Иванович. И вообще какое имеет значение, кто из нас кто? Мы приехали на отдых. Я – Володя. А кое для кого мечтаю стать и Вовой...

Ларс. А я бы сразу на «ты». Еще в машине, когда сюда ехали, хотел сказать... Мы же все однолетки.

Паша. Никогда не называй женщину ровесницей. В любом случае это оскорбление.

Надя. Ой, мне уже двадцать шесть, а я такая неумелая!..

Владимир Иванович. Научим!

Надя. Мои ровесники ни черта не знают. А вы, Паша, по дороге, когда нас сюда везли, так интересно рассказывали про этих художников... ну, про этих французских, которые в леса ушли... как их... я названия всегда не запоминаю... Робинзоны?

Паша. Барбизонцы.

Надя. В жизни бы об этом не узнала! Приеду домой, книжку в библиотеке возьму.

Паша. Избегайте, Надя, библиотечных книг. Особенно по искусству. Нельзя о прекрасном читать на засаленной странице.

Надя. Хорошо вам говорить! Сейчас книги где достанешь? Вы искусствовед?

Паша. Отчасти.

Надя. Какой вы многогранный!

Паша. Я искусствовед, натуралист, историк... А вообще

я двери обиваю.

Надя. Какие двери?

Паша. Новоселам. «Фирма «Заря» работает не соря!»

Надя. Шутите...

Паша. Какие шутки! Односторонняя обивка – сиреневенькая, с двух сторон – плюс красненькая. Кроме того, у меня своя клиентура. Петушок, я тебе с двух сторон обил?

Петушок (*орет*). Полная изоляция!

Надя. Разве двадцать пять – сиреневенькая?

Петушок. Трешка, я знаю, зелененькая.

Паша. Трешку не люблю. Нездоровый цвет. Гнилая зелень. У меня рубль – потом сразу пятерка.

Надя. А как же... барбизонцы?

Паша. Я подарю вам книгу о них. Вы читаете по-французски?

Надя. В школе английский... но очень плохо. «Тейк ит изи энд кип ё смайл».

Паша. Хорошо, попробую на русском достать.

Надя. Не обижайтесь на меня... Я думала, вы искусствовед.

Паша. По образованию я историк, кончил исторический факультет университета. Историю я люблю...

Надя. А двери?

Паша. А двери я... обиваю.

Валюша. Валерка-мастер мне обои год назад клеил. «Хозяйка, – спрашивает, – ты где работаешь?» – «В библиоте-

ке», – говорю. «Сколько тебе дают?» Называю зарплату референта по научной литературе. «Иди лучше ко мне в подручные – как в Париже жить будешь».

Паша подходит к стене, на которой висит отрывной календарь. Резко, один за другим срывает листки. Он как бы ищет среди них нужный ему. И наконец – вот он!

Паша (*срывает этот листок*). Серые начинают и выигрывают – кто сказал? (*Бросает листок на пол.*)

Петушок (*поднимает листок*). «24 декабря 1982 года». Бедная бабушка!..

Паша. Дело не в деньгах. Хотя и в них тоже.

Валюша (*глядя на календарь*). Новый год через неделю... На Елисейских полях елка.

Паша. После университета пришлось поработать в одном институте. Поработал, поработал, походил по коридорам, за столом посидел, вышел на лестничную площадку покурить. Жизнь веселая, а жить скучно. Обмен неравноценный.

Валюша. А диплом не мешает?

Пауза.

Паша. Я и соскользнул. Сколько здесь комнат? (*Выходит.*)

Ларс (*читает на обороте листка*). «Кандидат исторических наук Н. Линдер предлагает решить задачу, привлекающую внимание Луначарского. Белые: король д5, ферзь с4, слон аш2; черные: король ф7. Мат в три хода».

Петушок (*резко*). Всем хватит! На каждого отдельная комната!

Владимир Иванович. Что касается меня, я не хотел бы бояться, если и по двое. (*Выходит.*)

Валюша. Девочки – направо, мальчики – налево. (*Тоже выходит.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.